

Размышления над новой книгой

© 2002 г.

Р.Н. АБРАМОВ

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

*АБРАМОВ Роман Николаевич - кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института социологии РАН.*

Российскому читателю в переводе доступна только часть трилогии американского социолога М. Кастельса, посвященной мировой культурной, социальной и экономической ситуации в период вхождения человечества в новую эпоху, которую сам автор называл "информационной". Переведены полностью первый том ["Подъем сетевого общества" ("The Rise of the Network Society")], а также часть тома "Конец тысячелетия" ("End of Millennium"), где автор рассматривает причины и последствия распада СССР. Пока русскому читателю недоступен второй том трилогии "Власть идентичности" ("The Power of Identity"). Этот том посвящен "социальным движениям и политике, в нем изучается реакция людей всего мира на глобализацию и исключяющее¹ технологическое развитие" [1, с. 23]. Для понимания того, почему именно социолог М. Кастельс обратился к решению такой сложной задачи, какой является исследование процесса вступления человечества в новую эпоху, необходимо обратиться к его личной и научной биографии.

Сегодня М. Кастельса считают одним из авторитетных социологов в мире. Его нельзя рассматривать только как "кабинетного ученого-исследователя". Он участвует в работе крупных международных организаций, являясь одним из агентов описываемых в его книге мировых процессов. М. Кастельс родился в 1942 г. в Испании, некоторое время был участником антифранкистского движения. По политическим мотивам в возрасте двадцати лет он эмигрировал во Францию и обосновался в Париже. Там он учился социологии у Алена Турена, а затем в течение 12 лет преподавал социологию города в Высшей школе социальных наук (Париж). С 1979 г. М. Кастельс являлся профессором Калифорнийского университета (Беркли). Одновременно работал директором Института социологии новых технологий при Автономном университете в Мадриде (1988-1994), в разное время читал лекции в университетах Монреаля, Мехико, Каракаса, Женевы, Токио, Бостона, Гонконга, Сингапура, Тайваня, Амстердама и др. [1, с. 10-18]. Профессиональные и личные обстоятельства тесно связывают М. Кастельса с Россией: с 1984 г. он неоднократно бывал в СССР - России, весной 1992 г. руководил группой экспертов, приглашенных Правительством Российской Федерации. Жена М. Кастельса - из России, и этим отчасти объясняется его интерес и вовлеченность в российские проблемы. Как теоретик он начинал с использования марксистского подхода к вопросам урбанизации ["The Urban Question" (1977) (французское издание - 1972)]. Затем последовали книги "The City and the Grassroots" (1983),

¹ Исключающее развитие - развитие, приводящее к так называемому социальному исключению определенных общественных слоев и территорий из новой, глобальной системы информационных связей и экономических отношений.

"The Informational City" (1989), "The Collapse of Soviet Communism: a View from the Information Society" (1995) и др. Постепенно предметом научного интереса М. Кастельса становились глобальные процессы, происходящие в современном мире под влиянием взрывного развития всех видов информационных технологий. Результатом такого интереса и стало фундаментальное исследование "Information Age: Economy, Society and Culture", Vol. I—III. Oxford: Blackwell Publishers, 1996-1998.

Целью книги является наблюдение и анализ процесса перехода человеческого общества в информационную эпоху. Переход основан на революции в информационных технологиях, которая в 1970-х годах заложила фундамент для новой технологической системы, получившей распространение по всему миру. Одновременно с изменениями в материальной технологии революционные изменения претерпели социальная и экономическая структуры: относительно жесткие и вертикально ориентированные институты замещаются гибкими и горизонтально ориентированными сетями, через которые осуществляется власть и обмен ресурсами. Для М. Кастельса формирование международных деловых и культурных сетей и развитие информационной технологии - явления неразрывно связанные и взаимозависимые. Все сферы жизни людей, начиная с геополитики крупных национальных государств и заканчивая повседневностью, меняются, оказываясь помещенными в информационное пространство и глобальные сети.

Революция в информационной технологии является "отправным пунктом в анализе сложностей становления новой экономики, общества и культуры" [1, с. 28]. М. Кастельс не опасается обвинений в технологическом детерминизме, подчеркивает, что "технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов" [1, с. 29]. Он не принимает точку зрения ортодоксального марксизма и говорит о том, что технология вовсе не детерминирует историческую эволюцию и социальные изменения. По М. Кастельсу, технология является ресурсным потенциалом развития общества, предоставляющим разные варианты социальных изменений. Общество при этом в значительной степени свободно в принятии решений о пути своего движения. Для подтверждения такой позиции, касающейся роли технологии в социальных изменениях, автор обращается к истории развития компьютерной отрасли в США. Согласно Кастельсу, изобретение персонального компьютера и последующая массовизация пользователей не были жестко предопределены технологическими законами: альтернативной "персоналке" являлась концентрация контроля за развитием компьютерной технологии крупными корпорациями (IBM) и правительства. При таком пути развития общества постепенно нарастают тоталитарные тенденции всеобщего надзора, расширяются властные возможности правительства, вооруженного компьютерными технологиями, а общество все в большей степени начинает двигаться к модели, описанной Дж. Оруэллом в книге "1984" и фильме-антиутопии Ж.Л. Годара "Альфавиль" (1965). На рубеже 50-60-х годов опасность монополизации технологии была вполне реальной, однако внешние причины (возникшие социальные движения, расцвет контркультуры, глубокие либеральные и демократические традиции) постепенно свели ее к минимуму.

Пример истории компьютерной отрасли демонстрирует лишь частичную зависимость изменений в обществе от технологического развития, т.е. производства. Такое же важное место автор отводит опыту, рассматриваемому как воздействие человеческих субъектов на самих себя, через меняющееся соотношение между их биологическими и культурными идентичностями. "Опыт строится вокруг бесконечного поиска удовлетворения человеческих потребностей и желаний" [1, с. 37]. Наряду с производством и опытом третьим важным фактором, влияющим на организацию человеческой деятельности, является власть, которая понимается теоретиком в веберовском духе - навязывание воли одних субъектов другим с помощью символического или физического насилия. В обществе фактор производства, под которым подразумевается развитие компьютерных технологий, оказывает доминирующее влияние как на отношения власти, так и на культуру.

Информационные технологии на неведомую доселе высоту поднимают значение знания и информационных потоков. Напомню, что возрастающая роль знания в свое время отмечалась Д. Беллом, А. Туреном, Э. Тоффлером и другими теоретиками постиндустриального общества². М. Кастельс делает существенное различие между известными концепциями "информационного общества" (information society) и собственной концепцией "информационального общества" (informational society). Если в первом случае подчеркивается определяющая роль информации в обществе, то, по мнению М. Кастельса, информация и обмен информацией сопровождали развитие цивилизации на протяжении всей истории человечества и имели критическую важность во всех обществах. В то же время зарождающееся "информационное общество" строится таким образом, что "генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти" [1, с. 42-43]. Одной из ключевых черт информационного общества является сетевая логика его базовой структуры. К тому же информационное общество развивается на фоне ускоряющихся и противоречивых процессов глобализации, процессов, затрагивающих все точки земного шара, вовлекая или исключая из общего социального, символического и экономического обмена. Подчеркиваю, что цель своей книги М. Кастельс видит в исследовании содержания перехода человечества к информационному обществу.

Каким же образом автор решает задачу? Работа М. Кастельса - "это не книга о книгах" [1, с. 46]. Используя обширный теоретический, статистический и эмпирический материал, основываясь на собственном опыте и наблюдениях, апеллируя к мнению ученых, признанных экспертов в своих областях, он предлагает "некоторые элементы исследовательской кросскультурной теории экономики и общества в информационную эпоху, конкретно говорящей о возникновении социальной структуры". Содержание книги поражает обилием цитат и ссылок на разные источники: за подтверждением своих идей автор обращается к известным исследованиям, стараясь не превращать свою работу в научно-популярный труд футурологического характера. Иногда его эрудиция и педантичность восхищают, иногда затрудняют восприятие главной мысли, но ни одну из выдвинутых М. Кастельсом идей или гипотез нельзя назвать голословными. Данная работа не только "энциклопедия жизни в информационном обществе", она является и путеводителем по лучшим образцам современной социологической мысли.

Информационные технологии определяют картину настоящего и в еще большей мере будут определять картину будущего. В связи с этим М. Кастельс придает особое значение исследованию того, как развивались такие технологии в послевоенный период. В них ученый включает "совокупность технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации/вещании и оптико-электронной промышленности" [1, с. 50]. Таким образом, ядро трансформаций, которые переживает современный мир, связано с технологиями обработки информации и коммуникацией. М. Кастельс предлагает социологическое описание и понимание основных моментов истории становления подобного рода технологий, уделяя много внимания роли Силиконовой долины в развитии компьютерной индустрии. Дух свободного предпринимательства, университетский интеллектуализм и правительственные заказы сделали Силиконовую долину лидером компьютерной отрасли.

2 "Классическая теория постиндустриализма объединяет три утверждения и предсказания: 1. Источник производительности и роста находится в знании, распространяемом на все области экономической деятельности через обработку информации; 2. Экономическая деятельность смещается от производства товаров к предоставлению услуг; 3. В новой экономике будет расти значение профессий, связанных с высокой насыщенностью их представителей информацией и знаниями" (Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура, с. 201); см. также Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia-Наука, 1998.

Опираясь на работы ряда теоретиков, социолог очерчивает границы информационно-технологической парадигмы, имеющей несколько главных черт. *Во-первых*, информация в рамках предлагаемой парадигмы является сырьем технологии, и, следовательно, в первую очередь технология воздействует на информацию, но никак не наоборот. *Во-вторых*, эффекты новых технологий охватывают все виды человеческой деятельности. *В-третьих*, информационная технология инициирует сетевую логику изменений социальной системы. *В-четвертых*, информационно-технологическая парадигма основана на гибкости, когда способность к реконфигурации становится "решающей чертой в обществе" [1, с. 77]. *В-пятых*, важной характеристикой информационно-технологической парадигмы становится конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, когда, например, микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника и компьютеры интегрированы в информационные системы. Взятые все вместе характеристики информационно-технологической парадигмы являются фундаментом информационного общества.

Также как данная работа М. Кастельса не является книгой о книгах, она не является и книгой о глобализации. Однако рассмотрение процесса глобализации и его влияния на общество становится ее важнейшим сюжетом. Для ученого глобализация связана, прежде всего, с глобализацией экономики. Понятие "глобальная экономика" в трактовке М. Кастельса означает, что "основные виды экономической деятельности (производство, потребление и циркуляция товаров и услуг), а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов" [1, с. 81]. Глобальная экономика - это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты. М. Кастельс исследует причины ее возникновения, перспективы и ограничения развития. В исследовании процесса глобализации теоретик обращается к социоэкономическому анализу места различных регионов в глобальном экономическом и информационном пространстве. Согласно М. Кастельсу, данный процесс не столь однозначен: некоторые регионы (например, Тихоокеанский) активно вовлекаются в глобальный экономический обмен, и одновременно другие крупные регионы (Африка) исключаются из глобальной системы.

Деловое предприятие, включенное в сетевые обмены, становится основным актором информационной экономики. М. Кастельс подробно исследует трансформации организационной структуры капиталистического предприятия. Он полагает, что в 1970-е годы начались качественные изменения в организации производства и рынков в глобальной экономике. Эти изменения происходили под воздействием как минимум трех факторов. Первым фактором социолог считает достижения информационной технологии, вторым - необходимость деловых организаций реагировать на все более неопределенную быстроменяющуюся внешнюю среду; в качестве третьего фактора выступает пересмотр трудовых отношений, предусматривающий экономию трудовых затрат и введение автоматизированных рабочих мест. М. Кастельс рассматривает изменения в производстве и управлении предприятием, направленные на создание гибкой организационной структуры, способной участвовать в сетевых межфирменных обменах. В связи с этим для М. Кастельса показательным является обзор организационной структуры бизнеса в Юго-Восточной Азии. Корпоративные конгломераты Японии ("kabushiki mochiai"), Южной Кореи ("чеболы"), Китая (jiaziquye) служат примером эффективной работы межфирменных деловых сетей. Ученый делает вывод о том, что традиционный подход к организации как автономному агенту рыночной экономики должен быть заменен "концепцией возникновения международных сетей фирм и субединиц фирм, как базовой организационной формы информационно-глобальной экономики" [1, с. 191]. Он выделяет сети поставщиков, сети производителей, потребительские сети, коалиции по стандартам (которые инициируются теми, кто устанавливает глобальные стандарты на товары и информацию), сети технологической кооперации (которые способствуют совместным разработкам в области

НИОКР). Он отмечает, что изменения в организационной структуре деловых предприятий не ограничиваются трансформацией ресурсных потоков и межорганизационными обменов: эти изменения влияют на характеристики индивидуального рабочего места, а следовательно касаются большинства трудоспособного населения. Используя обширный статистический и историографический материал, автор приходит к нескольким обобщениям, которые относятся к трансформации занятости на пороге информационного общества. Он полагает, что "не существует систематического структурного соотношения между распространением информационных технологий и эволюцией уровня занятости в целом по экономике" [1, с. 254]. Традиционная форма работы (полный рабочий день, четко определенные должностные обязанности) медленно, но верно размывается. Таким образом, происходит индивидуализация труда в трудовом процессе.

В 60-е годы известный теоретик Маршалл Маклюэн выдвинул концепцию перехода современного общества от "галактики Гутенберга" к "галактике Маклюэна". Книгопечатание сделало печатный символ - печатное слово - основной единицей информационного обмена в Западной цивилизации. Изобретение фото, кино, видеоизображения делает визуальный образ ключевой единицей новой культурной эпохи [2]. Апофеозом "галактики Маклюэна" можно считать повсеместное распространение телевидения, изменившего не только среду массовых коммуникаций, но привычки и стиль жизни значительной части человечества. "Успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории" [1, с. 317]. Конечно, прослушивание радиопередач и просмотр телевизионных программ ни в коей мере не исключают других занятий. Это становится постоянно присутствующим фоном, тканью нашей жизни. Так, по мнению М. Кастельса, зарождается новая культура, "культура реальной виртуальности". Реальная виртуальность - это система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, где внешние отображения не просто находятся на экране, но сами становятся опытом. Для того чтобы лучше понять возможности и опасности, тающиеся в новой культуре, можно вспомнить содержание голливудского фильма "Wag the dog" ("Хвост крутит собакой").

Наряду с телевидением развитие электронных компьютерных сетей (Minitel, Internet) становится тем фактором, который можно считать формообразующим для культуры виртуальной реальности. Интернет, как и многие другие феномены современности, по праву можно считать детищем шестидесятых годов прошлого века. История Интернета показывает, как развитие компьютерных технологий, государственные интересы и независимый дух университетов были задействованы для создания нового символического космоса. М. Кастельс исследует этапы становления Интернета, т.е. его превращения из локальной компьютерной сети военного назначения в новую глобальную реальность информационной эпохи. Впрочем, он не считает, что Интернет "работает" только на глобализацию. Он полагает, что "компьютерная коммуникация не есть всеобщее средство коммуникации и не будет таковым в обозримом будущем" [1, с. 339]. "Новые электронные средства не отделяются от традиционных культур - они их абсорбируют" [1, с. 349]. При этом наблюдается широкая социальная и культурная дифференциация, ведущая к формированию специфических виртуальных сообществ. Члены данных сообществ могут быть разъединены в физическом пространстве, однако в пространстве виртуальном они могут быть так же традиционны, как общины небольших городов.

М. Кастельс долгое время воспринимался как социолог, занимающийся изучением проблем урбанизации и социальной структуры современного города. Не забыта тема города была и в этой книге. Автор рассматривает, каким образом меняется лицо города в ходе вступления в информационное общество. Он использует теорию сетей для анализа изменений, происходящих в городской среде информационного общества. Сетевые структуры воспроизводятся как на внутригородском уровне, так и на уровне отношений между глобальными городами. Сетевая структура не означает распада

внутригородской иерархии: в глобальных городах появляются информационно-властные узлы, которые замыкают на себе основные потоки информации, финансовых ресурсов и становятся точками принятия управленческих решений. Между этими узлами курсируют ресурсные потоки, а сами узлы находятся в непрерывной конкуренции между собой. Глобальные узлы сосредоточены в мегаполисах, которые "представляют собой очень большие агломерации людей" [1, с. 339]. Определяющей чертой мегаполисов является то, что они концентрируют административные, производственные и менеджерские высшие функции на всей планете. Мегаполисы в полной мере отражают противоречия дихотомии "глобальное-локальное": вовлеченные в глобальные деловые и культурные сети, они исключают из них местные популяции, которые становятся функционально бесполезными. М. Кастельс полагает, что маргинализация местных сообществ происходит вследствие экономической, политической и культурной экспансии мегаполисов. Он рассматривает мегаполисы в качестве масштабных центров "глобального динамизма", культурной и политической инновации и связующих пунктов всех видов глобальных сетей. Таким образом, М. Кастельс дает рельефное описание процессов, происходящих в структуре городов в период перехода к информационной эпохе.

Изучение пространственных трансформаций не ограничивается анализом городской среды, опирающимся на богатый эмпирический материал - читателю предлагается социальная теория пространства и теория пространства потоков. Социальная теория пространства развивается из комбинации трех факторов: физического пространства, социального пространства и времени. По М. Кастельсу, "пространство есть выражение общества" [1, с. 384] и "пространство есть кристаллизованное время". С социальной точки зрения, которой придерживается автор, "пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени" [1, с. 385]. Общество, то есть социальное пространство, построено вокруг потоков капитала, информации, технологий, организованного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Под потоками М. Кастельс понимает "целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества" [1, с. 386]. Таким образом, "пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающем через потоки" [1, с. 386]. Пространство потоков видится автору в виде трех слоев материальной поддержки: *первый слой* состоит из цепи электронных импульсов, сосредоточенных в микроэлектронике, телекоммуникациях, компьютерной обработке, системе вещания, высокоскоростного транспорта; *второй слой* состоит из узлов и коммуникационных центров, которые обеспечивают гладкое взаимодействие элементов, интегрированных в глобальные электронные сети; *третий слой* относится к пространственной организации доминирующих менеджерских элит, осуществляющих управленческие функции.

В дихотомии "глобальное-локальное" элиты относятся к тем, кто заинтересован в развитии глобального властного пространства, которое позволит контролировать неорганизованные локализованные народы. Элиты информационального общества могут рассматриваться как пространственно ограниченная сетевая субкультура, в которой формируется стиль жизни, позволяющий им унифицировать собственное символическое окружение по всему миру. Складывающиеся в пространстве потоков слои материальной поддержки формируют инфраструктуру того общества, которое М. Кастельс называет информационным. Информациональное общество меняет восприятие времени. Напомню, что одним из важнейших признаков начавшейся модернизации Западного общества стало изменение отношения ко времени. В Средневековье время носит событийный характер, когда существовало время дня, время ночи, время праздников и время буден. Изобретение часового механизма и параллельные социальные перемены сделали количественное измерение времени необходимым. Тогда же у нарождающейся буржуазии возникла потребность в "более

точном измерении времени, от которого зависит их прибыль" [3, с. 55]. Так время оказывается в руках власть предержащих. Тогда же время начинает секуляризироваться и рационализироваться. Но это еще не было время промышленной эпохи. Оно все еще было близким к "естественному" биологическому ритму. Буржуазная эпоха окончательно превратила время в экономический ресурс, а сопутствующие ей технологические изменения подчинили время механическому ритму работающих машин.

Однако грядущая эпоха может изменить восприятие времени: "линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе" [1, с. 402]. Новая концепция темпоральности, предложенная М. Кастельсом, носит название вневременного времени. Вневременное время означает, что на смену измерения времени приходят манипуляции со временем. Эти манипуляции необходимы для того, чтобы сделать реальной "свободу" капитала от времени и избавление культуры от часов" [1, с. 403]. Освобождение глобального общества от временной зависимости ускоряется "новыми информационными технологиями и встроено в структуру сетевого общества" [1, с. 403].

Новейшая история России создает плодотворную почву для разнообразных аналитических комментариев. За последнее десятилетие только ленивый не высказал своего авторитетного мнения, касающегося причин, процесса и последствий распада Советского Союза. Читатель давно уже не испытывает острой потребности в откровениях по поводу того, куда и зачем мы движемся. М. Кастельс создал фундаментальный социально-теоретический труд, посвященный переходу человечества к информационной эпохе. В своем труде он подвергает исследованию все мало-мальски значимые события в политике, экономике, технологии, культуре и повседневной жизни, которые имеют отношение к авторскому анализу. Естественно, что сага советско-российской истории не могла ускользнуть от внимания социолога. "Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза" - так в русском переводе называется глава, посвященная нашим реалиям. О чем же эта глава? Автор решает "историческую загадку": почему в 1980-х годах советские лидеры почувствовали настоятельную необходимость включиться в процесс перестройки, которая, в конечном счете, привела к распаду Советского государства?

Прежде чем перейти к изложению ответа Кастельса на этот вопрос, дам некоторые терминологические объяснения, относящиеся к понятию "индустриальный этатизм". Под этатизмом он понимает "социальную систему, организованную вокруг присвоения экономического излишка, произведенного в обществе, держателями власти в государственном аппарате, в противоположность капитализму, в котором излишек присваивается теми, кто осуществляет контроль в экономических организациях" [1, с. 438]. Этатизм ориентирован на максимизацию власти, то есть на увеличение военной и идеологической способности государственного аппарата навязывать свои цели обществу. Советское государство считало главным фактором экономического процветания развитие тяжелой промышленности и машиностроения, что и определило индустриальный характер советского этатизма. До определенного момента прогрессистская политика больших скачков оправдывала себя: М. Кастельс справедливо замечает, что Советский Союз в рекордно короткие сроки превратился из аграрной страны в мощную индустриальную державу, хотя такая трансформация и была оплачена миллионами жизней.

Действительно, в 1980-е годы СССР в ряде секторов тяжелой промышленности производил существенно больше, чем США. Однако к тому времени сам факт наличия мощной производственной базы уже не гарантировал экономического процветания. Как полагает М. Кастельс, Советский Союз "пропустил революцию в информационных технологиях, которая сформировалась в мире в середине 1970-х годов" [1, с. 455]. В какой-то момент советское руководство допустило стратегическую ошибку, приняв решение сократить собственную программу исследований в сфере компьютерных технологий. Вместо нее в жизнь проводилась политика "гонки за лидером", когда усилия многочисленных НИИ направлялись на копирование американской и японской

архитектуры компьютерных систем. Результатом этой политики стало все увеличивающееся технологическое отставание в ключевой отрасли. К тому же жесткий политический и полицейский контроль за жизнью советских граждан тормозил развитие информационных технологий, которые способствовали беспрепятственному распространению информации. Так, парадоксальным образом социальная реальность, в которой отсутствовало открытое гражданское общество со свободой слова, оказала существенное влияние на технологическое развитие, не позволив информационным технологиям занять то место, которое им отводится в информационной эпохе.

Следует отдать должное М. Кастельсу: в своих аналитических выкладках он не замыкался только на тех причинах распада СССР, которые лежат в плоскости становления информационной эпохи; автор рассматривает ряд других экономических и геополитических факторов, приблизивших конец государства "реального социализма". К политическим факторам можно отнести закрытость советского общества, непрекращающийся поиск внутренних и внешних врагов, коррозию основных идеологических принципов в глазах обычных граждан, а также усиливающуюся коррумпированность и безответственность советского и партийного руководства. В качестве экономических факторов выступают сверхмилитаризация экономики, структурный перекося в сторону тяжелой промышленности и машиностроения, почти полное отсутствие самостоятельности у хозяйствующих субъектов в принятии решений о собственной деятельности, а также склонность к реализации экономически неоправданных мегапроектов - "строек века". Выводы М. Кастельса, касающиеся настоящего и будущего России, неутешительны. Он полагает, что наследие советского этатизма, помноженное на политические и экономические спекуляции элиты, а также на волюнтаристские рекомендации Международного валютного фонда привели Россию и другие страны бывшего СССР к разрушению основ гражданского общества. Коллапс советской системы создал обширный культурный и информационно-экономический пустырь, которому будет довольно сложно превратиться в одну из строительных площадок информационного общества.

У книги М. Кастельса есть как минимум два достоинства: во-первых, автору удалось подвести социальные и экономические итоги ушедшего столетия, одновременно перекинув мосты в наступающую эпоху; во-вторых, хорошо то, что российский читатель знакомится с авторскими идеями и прогнозами не через два десятка лет после их первой публикации (когда многое из написанного автором потеряет актуальность), а именно сегодня. В то же время чрезмерно восторженное отношение к идеям автора таит в себе некоторые опасности для нашего социологического и экономического научного сообщества. Прежде всего, присутствует реальная возможность вспышки "сетевой эпидемии", когда подход М. Кастельса к анализу общества как совокупности сетей подвергнется абсолютной универсализации и с помощью его будет объясняться даже то, что таким образом объяснено быть не может. Редуцирование и вульгаризация авторской концепции может, в конце концов, привести к дискредитации многих важных идей, изложенных в работе М. Кастельса. Действительно, он рисует монументальную картину современного мира. И на первый взгляд, эта картина непротиворечива и полностью адекватна реальному положению вещей. Однако не следует забывать, что существуют и другие описания и объяснения окружающей нас реальности. Поэтому желательно избегать соблазна смотреть на нашу эпоху только глазами М. Кастельса: лучше всего иметь собственный взгляд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура (Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана). М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. См.: *Теплиц Т.К.* Всё для всех. Массовая культура и современный человек. М: ИПИОН РАН. 19%; *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 1499.
3. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: время, труд, культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000.